

за ту работу, которая проводится с молодыми авторами. И. С. Свенцицкая высказала пожелание давать регулярные обзоры новых изданий надписей. Отдел «Приложения» не должен печатать переводы древних авторов.

В заключительном слове проф. С. В. Киселев отметил ценность большинства предложений. Он подчеркнул, что журнал не отказывается от печатания наиболее интересных филологических статей и археологических публикаций о раскопках важнейших центров древнего мира, раннеславянских поселений и т. д. Касаясь «Приложений», С. В. Киселев сказал, что основная задача этого отдела — издание документов с транскрипцией, параллельным текстом и переводом, а также подборка источников, пользование которыми затруднено. С. В. Киселев поблагодарил участников совещания за ценные предложения.

Участники конференции приняли обращение в адрес Президиума Академии наук СССР относительно увеличения объема «Вестника древней истории», что имеет немаловажное значение для успешного развития советской исторической науки о древнем мире.

Новые археологические открытия на Крите и в материковой Греции¹

В районе Кносса весной 1951 г. были вскрыты три камерных и одно шахтное погребение. В них найдены предметы вооружения из бронзы (мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, фрагменты шлема), сосуды и печати различных форм: цилиндрические, треугольные и круглые. Наиболее интересен бронзовый меч — около 60 см длины — изящно орнаментированный, с золотой рукояткой и яблоком из слоновой кости. Судя по остаткам, шахтное погребение заключало два деревянных саркофага на коротких ножках.

В СМ некрополе, расположенном на склонах восточнее реки Кератоса (северное побережье центральной части острова), в 1953 г. открыты две скальные гробницы. Более ранняя имеет круглую форму (диаметр 6—7 м). Одна массивная стена закрывала вход, а другая — делила пополам внутреннее помещение. Здесь было захоронено более 50 человек, большей частью в пифосах. Печати и керамика датируют эту гробницу СМ II периодом. Во второй гробнице — СМ III, разделенной стенами на три отсека, покойники находились в саркофагах (ларнакс). В них было обнаружено значительное количество мелких предметов: пять каменных печаток, в том числе древнейшая из всех найденных на Крите, цилиндрической формы, местного производства, скарабей из горного хрусталя, бронзовые перстни, серьги, булавки, браслеты, бусы из аметиста, горного хрусталя, лазурита и сердолика. В том же районе установлено разграбленное шахтное минойское погребение.

В Катсобе в некрополе ПМ периода в 1953 г. вскрыты четыре скальные камерные гробницы. Одна — разграбленная в древности — оказалась совершенно пустой, если не считать нескольких кубков, обломка деревянного саркофага, окрашенного в голубую краску, и зуба акулы. Другие три служили для захоронения соответственно одного, двух и трех человек. В последней гробнице останки находились в деревянных саркофагах. На одном сохранились следы белой краски. Помимо сосудов преимущественно дворцового стиля, найдены бронзовые инструменты. Особенно цен-

¹ При составлении обзора, помимо литературы, указанной ниже, были использованы: J. M. Cook, *Archaeology in Greece*, JHS, LXXII (1952), стр. 96 сл.; LXXIII (1953), стр. 126—130; «Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce», BCH, LXXIII (1953), № 2, стр. 190 сл.; «Archaeological News, Greece, 1950—1951», by E. P. Vlegen, AJA, LII (1952), стр. 121—128.

ные образцы керамики дворцового стиля дала последняя гробница, например, трехручная амфора с необычной росписью, представляющей шлемы с гребешками (шпиками) и пащечниками¹, кувшины с изображением рыб и птиц. Необычны также по величине два больших алабастра. Следует отметить черный сосуд с тремя ножками, большой кувшин с узорами в виде плюща и папируса и амфору дворцового стиля с тремя ручками и изображением осьминога. Невдалеке — на высотке открыты следы неолитического поселения, а под навесом скалы погребения того же времени.

Севернее Кносса, в восточном пригороде Г е р а к л и о н а, под которым находятся остатки портового города минойской эпохи, раскопаны два камерных погребения с дромосами². Первое содержало значительное количество сосудов различных типов, в том числе: пять амфор дворцового стиля (из них две большого размера), кувшины с носиком и тремя ручками, два кубка на ножках, два двойных сосуда (на большем по краю укреплены фигурки птиц), два алабастра, два сосуда для благовоний (один со следами раскраски), два кубка без ручек, бронзовую шпильку, обломок копья и рукояти меча, бронзовые ручки, видимо от деревянного сосуда, звенья бронзовой цепи. Сосуды украшены растительным орнаментом (цветы, листья) и изображениями водорослей и моллюсков (аргонавтов). Их роспись и формы позволяют отнести это погребение к ПМ II А, т. е. примерно к началу третьей четверти XV в. до н. э.

Необычен и очень интересен инвентарь второго погребения. В нем выделяется уникальный деревянный саркофаг или ларец (ларнакс) 1,30 м длины, 60 см высоты и 45 см ширины, окрашенный в серо-голубой цвет, что, возможно, должно было передавать цвета неба; предположение это в свое время высказал А. Эванс по поводу голубой окраски потолка во внутренней камере так называемой Храмовой гробницы. У западной стены стояли два египетских каменных сосуда. На вырезанной из одного куска алабастра амфоре с раскрашенной ножкой имеется иероглифическая надпись: «Благодатный бог, Менхеперра, сын Ра, Тутмос (III), превосходный в воплощениях, которому дана вечная жизнь». Подобные тексты известны и на других сосудах, например из находок в Микенах, Мениди, Ассуре. Точную параллель дает надпись на сосуде № 18734 Капрского музея. Диоритовый кубок протодинастического типа снабжен четырьмя полукруглыми проушинами. Что касается лежащего в стороне от этих двух сосудов алабастра, то его нельзя безоговорочно считать египетским. Местная керамика представлена великолепным кувшином с носиком ПМ II типа с орнаментом из аргонавтов и папирусов, разделенным на вертикальные панели рядами накладных шишек. Такие же шишки и накладные 8-образные щиты помещены около горлышка. Подобные сосуды очень редки, но их изображения достаточно часто встречаются на критских печатях. Скорее всего они служили для культовых возлияний. Кроме того, в гробнице обнаружены: три кубка (один с растительным орнаментом), два алтаря-треножника из гипса, семь сосудов для благовоний, большей частью голубых, сардониковая печатка с тонко прочерченным рисунком льва, нападающего на горного козла, небольшое ожерелье из золотых бус, серебряная булавка, кубок и нож из бронзы. Это погребение, несомненно, близко по времени так называемым Храмовой гробнице, Гробнице двойной секеры и некоторым другим. Инвентарь слишком богат, чтобы их можно было отнести к годам катастрофы, повлекшей за собой разорение Кноссского дворца. Поэтому скорее всего они датируются ПМ II периодом, т. е. примерно 1425 годом до н. э., когда Крит, как это доказывают и последние находки, поддерживал оживленные сношения с Египтом.

¹ St. Alexiou, The boars-tusk a recent find helmet, «Antiquity», 1954, № 112, стр. 211—213.

² См. рец. R. W. Hutchinson (New materials on the later Aegean chronology and history, «Antiquity», XXVIII (1954), № 111, стр. 183—185) на работу греческого археолога С. Алексиу, производившего эти раскопки, опубликованную в «Kretika Chronika», 1952, стр. 9—41. Последняя осталась мне недоступной.

В 15 км от Кносса, в В а т п е т р о, продолжались раскопки, начатые в 1949 г. Открыты остатки большого дворца минойской эпохи, который был сооружен около 1600 г. до н. э., по плану и в размерах, обычных для критских дворцов. Оседание почвы вскоре разрушило здание. Поврежденные его части были потом приспособлены для хозяйственных целей. В них найдены пресс для выжимки винограда, сосуды различных форм и два больших пифоса. Около 1500 г. до н. э. большая катастрофа окончательно разрушила дворец. Его центральным помещением был зал с колоннами. От них сохранились базы из твердого камня. Две комнаты, по всей видимости, предназначались для работников. Из мелких находок достойны упоминания: каменный топор позднего типа, обломки каменной лампы, два каменных сосуда, три геммы с изображениями птиц и зверей, а также керамика ПМ I A со спиральным орнаментом.

По возобновлении работ в 1952 г. археологи вскрыли комплекс помещений, соединяющихся с мегароном коридором. Пока раскопано четыре помещения. В одном, очевидно хозяйственном, находились два каменных конических сосуда, — возможно, квашни для теста. В другом — кухне — обнаружены три глиняных очага. Все бывшие здесь керамические изделия предназначались для хозяйственных целей. В одном из верхних слоев найдена золотая серьга с подвеской. В центральной части дворца открыта большая кладовая, в которой стояло 16 больших пифосов. Бывшие здесь фрагменты керамики украшены растительным орнаментом. Выделяются кубки без ручек типа Вафия. Однако наибольшее внимание привлекает фундамент часовни с «рогами посвящения». Это первое сооружение подобного рода. До сих пор такие часовни были известны только по изображениям на фресках. В 1953 г. расчищено еще несколько небольших комнат и большая гончарная печь.

В М а л л и п попрежнему работали французские археологи, изучавшие частные дома. На восток от дворца, на дороге, расчищен дом ПМ I, содержащий ряд интересных предметов: превосходные сосуды с растительным и морским орнаментом, бронзовые инструменты, в частности топоры и пила, сфинкс египетского типа из слоновой кости, возможно привозной. К югу от дворца раскапывался большой дом (участок «Е»). В центральной его части находилось большое количество фрагментов керамики ПМ III A и B. Во время микенской «оккупации» дом перестраивался. Сохранилась северная часть его, сооруженная еще в ПМ I. Она доказывает, что это скорее был небольшой дворец, чем простой дом. Мелкие находки 1951 г. включают каменные печатки, лампы и сосуды. В раскопную кампанию 1952 г. наиболее достопримечательным событием следует считать расчистку другого дома, в котором четко прослеживаются два слоя — ПМ I и СМ I. В последнем находилось значительное количество бронзовых инструментов и оружия, в том числе 12 двойных топоров, четыре клинка мечей, клинки кинжалов, обитый золотом скребок и т. д.

В 1953 г. закончилось изучение участка «Е», где откопана массивная стена в 1,60 м толщины, неправильной кладки, современная первому периоду существования дворца. Прослежена мощеная улица примерно на протяжении сотни метров, ведущая к небольшому холму, где находился трехкомнатный дом. В восточной части исследуемого участка установлена другая улица с тротуаром, окаймленная стенами, сохранившимися на высоту одного метра. Здесь стоял дом с мощным двором, подвергшийся сильному разрушению. Он, видимо, был обитаем во второй период расцвета жизни во дворце. Более скромный дом располагался далее к востоку. В одной из его комнат со следами штукатурки открыта база колонны. Фрагмент сосуда с рельефными изображениями различных видов раковин и моллюсков извлечен из СМ III B слоя. Отсюда делается вывод, как нам кажется — несколько поспешный, поскольку найдены остатки лишь одного сосуда, что морские сюжеты встречались и в Маллии. Осторожнее предположить, что сосуд был сюда завезен с юга острова.

Итальянские археологи копали в Ф е с т е. Помимо реставрационных работ, они производили разведочные зондажи в разных частях второго дворца. Обнаружены остатки стен отдельных периодов его существования. Памятников РМ не отмечено, так как дворец был построен непосредственно на неолитическом слое. Зато другие зондажи — вне дворца — установили культурный слой неолитической эпохи, сви-

детельствующий о том, что это место было обитаемо задолго до сооружения первого дворца. Слой содержал остатки каменных стен и вымосток, керамику, окрашенную охрой, и т. п.

В помещении дворца найдены великолепные полихромные вазы стиля Камарес. При зондажах обнаружены два фрагмента крышки с древнейшими из всех известных до сих пор на Крите нарисованными изображениями человеческих фигур — двух женщин в характерных одеждах с длинными юбками.

Наиболее важное открытие 1951 г. — комплекс сооружений, о существовании которых не подозревали. Эти сооружения находились в юго-западной части Первого дворца под пропилоном. На 6,5 м ниже вымостки, считавшейся самой ранней в Первом дворце, прослежены остатки стен, которые значительно ее старше. Древнейшее из вновь найденных сооружений разрушено пожаром, другое — пострадало от землетрясения. Керамика этого слоя — полихромная и тонкостенная — может быть датирована СМ I. Многие сосуды превосходной сохранности. Среди них встречаются сделанные в технике «барботин» и рельефные вазы, например три ритона с головами быков. Так как они частично лежали непосредственно на неолитическом слое, то итальянский археолог Леви выдвинул гипотезу, что РМ здесь был современным СМ и что его должно датировать II тысячелетием до н. э. Таким образом, по мнению Леви, конец неолитической эпохи приходится примерно на 2000 г. до н. э.

В 1952 г. удалось закончить расчистку помещения II, где найдены наиболее ранние памятники СМ эпохи, что уточняет последовательность трех фаз существования Первого дворца. К востоку от этого ансамбля вскрыта комната, низ стен которой облицован алебастровыми плитками (L). В дверях, ведущих в соседнюю комнату (LI), *in situ* найдено несколько превосходных ваз стиля Камарес; среди них две амфоры: одна с изображением пальметок, а другая — осьминога, что является единственным памятником для столь раннего времени. Объемистые кувшины, подставки с рельефными и расписными узорами, алебастровый кубок и т. д., тонкой и художественной работы, извлечены из второго слоя в самой комнате. У стены стояли высокая цилиндрическая кружка с игральными косточками или марками и около дюжины маленьких алебастровых кубков. В нижнем слое обнаружена скамья (или очаг) и на ней несколько сосудов, содержащих пепел или древесный уголь. На участке XXXVIII выявлен тайник, высеченный в скале под полом. В нем помещались ритуальные приношения: сосуды и красный поливной кубок. На участке XXVII—XXVIII выделяется среди находок вполне сохранившийся пифос с яркой полихромной росписью, — возможно, наилучший из всех этого времени, найденных на Крите. К северу от помещения LI располагался второй пилон Первого дворца, вымощенный огромными плитами. Ниже простирается неолитический слой.

В К е ф а л а исследованы три высеченные в скале прямоугольные гробницы ПМ III времени, содержащие три сильно поврежденных саркофага различной формы. Находки ограничиваются несколькими сосудами и украшениями. Другие две гробницы, расположенные в 300 м от первых, представляли собой маленькие, неправильной формы комнаты. В них были найдены только фрагменты керамики. Рядом располагалось небольшое поселение того же времени.

В восточной части острова, в различных местах (К с е р а м б е л а близ Кавуси, К а в у с и, А г и о с Н и к о л а о с, К а н и я, К а т о Э п и с к о п и) вскрыты погребения в урнах, иногда богато орнаментированных. Погребения большей частью камерные и относятся преимущественно к СМ и ПМ. Так, например, две урны из камерной гробницы ПМ III в А л а т с о м а в р и, вблизи Пахнаммоса, украшены изображениями осьминогов, цветов папируса и стилизованных лиллий. Исключение составляют только два погребения из Критсы, где две цилиндрические урны, покрытые изображениями различных священных символов, содержали обожженные человеческие кости. Вместе с погребениями в Мулиане, показывающими следы кремации, это первые свидетельства трупосожжения на Крите в ПМ эпоху.

В С и т и и найдена целая серия посвячительных статуэток, большей частью фрагментированных, представляющих мужчин и женщин. Они относятся к СМII и

III и по технике выполнения значительно более тонкой работы, чем известные до сих пор терракоты этого периода. Тщательно отделана прическа на головах женских статуэток, у мужчин показаны длинные локоны. На платьях женщин видны следы нанесенного краской орнамента.

На дороге, ведущей из Ситии в Пискокефали, обнаружены остатки двухэтажной «виллы», к сожалению, перерезанной надвое дорогой. Время сооружения ее — переходный период от СМ к ПМ. Лестница из 12 ступеней вела к платформе перед мегароном. Раскопаны помещения привратника, состоящие из двух небольших комнат, три кладовые со стоящими в них пифосами и другие помещения. Вблизи Пискокефали вскрыт грот, содержащий 10 погребений ранне-геометрического и геометрического времени, в том числе круглую урну и прямоугольный саркофаг из расписной глины со скелетом в каждом из них. Из многочисленных сосудов, принесенных в качестве заупокойных приношений, около 80 оказались неповрежденными. Некоторые имеют интересные орнаменты местного стиля.

Саркофаги ПМ III из разрушенных погребений, где уцелело еще бронзовое зеркало, доставлены из Элленика Пискокефали, где проводились небольшие раскопки в 1952 г.

Из случайных находок можно отметить бронзовые инструменты из Варваро, видимо ПМ I—II периода: сосуд в виде утки из Нирухани и несколько каменных сосудов из РМ толоса в Платонесе (Месара).

Начатые в 1954 г. раскопки в Эмпорио на юге о. Хиоса выявили поселение времени ранней бронзы, а также дома ПЭ периода с керамикой микенского типа. Под ними простиралась РЭ и СЭ культурные слои. Из отдельных предметов, добытых археологами, интересна формочка для отливки украшений в виде бабочки, похожей на золотые бабочки из находок Г. Шлимана в Микенах. ПЭ шахтовое погребение с четырьмя микенскими сосудами открыто на холме к югу от «Акрополя»¹.

Выдающихся результатов добились археологи в материковой Греции.

В Микенах при реставрации могилы Клитемнестры в ноябре 1951 г., невдалеке от нее, была найдена надгробная стела, свидетельствующая о нахождении здесь еще одного погребения². Оно было раскопано и оказалось шахтовым, подобным тем, которые в свое время открыл в акрополе Шлиман. Пробные раскопки в январе 1952 г. обнажили часть круглой стены, огораживавшей место, где находились еще другие шахтные погребения. Новые находки разрешили вопрос о конструкции гробниц, отдельных деталях обряда погребения и т. д.

Раскопочная кампания началась в июле 1952 г. Прежде всего на всем протяжении проследили стену, окружающую круглую площадку с погребениями. Часть восточной секции оказалась разрушенной еще в XIV в. до н. э. при сооружении толоса гробницы Клитемнестры. Другие части пострадали при прокладке современной дороги в акрополь. Стена построена из больших блоков циклопической кладки. Диаметр круга — 28 м. Таким образом, этот круг с погребениями во многом напоминает открытый в свое время Шлиманом в крепости. В северной части площадки в 1952 г. исследовали девять погребений³. Отдельные захоронения были обозначены археологами буквами греческого алфавита.

Могилы представляют собой прямоугольные, выкопанные в почве шахты. Перекрытия устраивались между почвой и насыпью, ближе к первой. Для перекрытий использовались деревянные балки, на которые накладывался слой водонепроницаемой

¹ E. Vanderpool, *New letters from Greece*, AJA, 1955, № 3, стр. 228—229.

² О раскопках в Микенах, помимо литературы, указанной ниже, см.: Editorial notes, «Antiquity», 1954, № 109, стр. 1—2; A. J. B. Wace, *Discovery of the inscribed clay tablets at Mycenae*, «Antiquity», 1953, № 106, стр. 84—86; он же, *Mycenae*, JHS, LXXIV (1954), стр. 53—55; он же, *Ivory carvings from Mycenae*, «Archaeology», 1954, № 3, стр. 149—155.

³ G. E. Mylonas and J. K. Papadimitriou, *The new shaft graves of Mycenae*, «Archaeology», 1952, № 4, стр. 194—200.

глины или каменные плиты. Дно могилы обычно устилали булыжниками или галькой. Это дополняет наши сведения о конструкции шахтных погребений. Погребение А — два скелета (один вытянут), несколько сосудов, три меча, один кинжал, золотые украшения, серебряный кувшин. В — один лежащий на боку скелет, у его головы пять сосудов, у ног еще два; на руках по золотому обручу; короткий шпорокий нож. Г — самое большое из погребений, заключающее четыре скелета. Один, — очевидно, человека, похороненного позже, — занимал около половины могилы. Положение его необычно: ноги широко раздвинуты, руки согнуты в локтях и отставлены от тела. Скелеты лиц, умерших раньше, отодвинуты в сторону: два лежат друг на друге и один в ногах. Лицо первого скелета покрывала маска из электрона, сходная с найденными Шлиманом, но несколько более примитивной работы. Подбор вещей, положенных в могилу, богат и разнообразен: различной длины бронзовые мечи и кинжалы, причем некоторые орнаментированы, два золотых кубка (один с каннелюрами), гемма с изображением бородатого человека, деревянный ларец, покрытый серебряными пластинками, золотые повязки и другие украшения для головы, «яблоки» для мечей из алебаstra и слоновой кости обычного микенского типа, девять сосудов; из них наиболее примечателен кувшин, позволяющий отнести дату последнего погребения ко времени шахтных погребений акрополя. Кроме того, многие сосуды оказались разбитыми, но из них можно составить целые. Некоторые показывают влияние стиля Филакони. Вне всякого сомнения, погребение это семейное, постепенно принимавшее умиравших членов семьи. Δ — два вытянутые скелета. Инвентарь: бронзовый кубок, серебряная чаша, два глиняных сосуда, типичные для ПЭ I (ими можно датировать последнее захоронение), нож, два меча. Один из них имеет яблоко из слоновой кости, а другой — золотую рукоять и такое же яблоко. Они напоминают мечи, найденные Шлиманом в IV шахтном погребении в крепости. Е — в этой гробнице преобладали бронзовые сосуды различных форм. Среди них — один высотой в 80 см и кувшин, сходный с меньшими по размерам кувшинами из шахтного погребения акрополя, раскопанного Шлиманом; много золотых украшений — главным образом повязки, украшенные линейным чеканным орнаментом. Погребения H, Z, Θ значительно скромнее и содержат лишь по одному скелету в скорченном положении. Инвентарь первого ограничивается четырьмя сосудами и бронзовым ножом, второго — также четырьмя сосудами и мечом с яблоком из слоновой кости. Погребение было разрушено при прокладке водопровода.

При раскопках обнаружены и надгробные стелы и их базы, что позволяет определить, как их устанавливали. Шлиману это было неясно. На стеле из погребения А изображена охота на быков, на другой — поврежденной — в обрамлении спиралей представлена сцена единоборства, по бокам два вздыбленных льва.

Продолженные в 1953 г. раскопки выявили еще восемь погребений, соответственно обозначенных буквами I — II. Конструкция большей части их не отличается от изученных в предшествующем году. Это также же прямоугольные шахты площадью от $2,5 \times 3$ м до $3,3 \times 4,2$ м. Находки оказались обильными.

Погребение I содержало восемь глиняных сосудов СЭ III периода, бронзовый меч с яблоком из слоновой кости, кинжал с ручкой из горного хрусталя, два золотых браслета, золотые украшения для пояса, серебряный кубок с прорезанным орнаментом, бронзовые щипцы. При раскопках погребения N, вмещавшего два костяка, выяснилось, что над каждой могилой возвышалась своя небольшая насыпь, облицованная вокруг камнями. При погребении второго покойника, помещенного в центре могилы, костяк первого со всеми приношениями отодвинули в сторону. Умерший позже имел на шее золотую повязку. У его правой руки лежали меч, кинжал и сосуд — все из бронзы. Этими же предметами был снабжен и его предшественник. Тут же обнаружены: золотой кубок, алебастровый сосуд и сосуды из глины с красивым орнаментом. Над перекрытием этого погребения, так же как и некоторых других, найдены кости животных, принесенных в жертву при погребальном обряде.

В южной части круга погребений вскрыты четыре могилы. Из них K дало четыре сосуда, в том числе кувшин тонкой работы с полихромной росписью. В M на-

ходился скелет молодой девушки. На ее шее висело ожерелье из полудрагоценных камней. Керамика представлена 21 сосудом ПЭ I времени. Погребение А заключало двух умерших, захороненных один после другого. Как в N, костяк скончавшегося раньше отодвинут в сторону. Хотя могила была разграблена еще в древности, около костяка лежали бронзовый кинжал и несколько золотых повязок. В одном из углов грабители оставили бронзовый меч, копьё, кинжал и 28 наконечников стрел из обсидиана и порфира. В небольшом, располагавшемся рядом, погребении находились два хороших сосуда СЭ эпохи.

Е — нарушенное погребение также молодой девушки. Тело было украшено золотой диадемой, ожерельем из полудрагоценных камней, фаянсовым амулетом, кольцом, серьгами и брошью из золота.

Самое богатое из погребений, вскрытых в 1953 г., — О. По количеству находившихся в нем предметов из горного хрусталя оно может быть названо «хрустальным». Здесь также установлены два последовательных захоронения, причем около скелета умершего раньше никаких приношений не имелось. Зато около костяка, занимавшего середину могилы, находились две большие золотые диадемы, три булавки для одежды с большими головками из горного хрусталя, булавка из серебра с золотой шлейкой в виде звезды с длинными лучами и много других украшений из золота, янтаря и полудрагоценных камней. Уникален кубок из горного хрусталя в виде утки, около 15 см длины. Керамика представлена превосходно расписанными сосудами, из которых наиболее примечателен приземистый кувшин ПЭ I и высокая амфора.

В 1954 г. вскрытием погребений Р — У завершились исследования внутри ограды, содержащей всего 24 гробницы. О заключительном этапе работ пока опубликованы только очень краткие сведения¹.

Р — наибольшее шахтовое погребение круга — имело длину 7 м при ширине 3,10 м. Стены гробницы облицованы хорошо пригнанными блоками, оштукатурены и украшены перемежающимися красными и черными полосами. Пол вымощен. Дверной проем, соединяющий камеру с дромосом и окрашенный в красный цвет, для облегчения нагрузки увенчан треугольной плитой. Естественно, что эта гробница, выделявшаяся своими размерами, прежде остальных привлекла внимание грабителей, которые совершенно опустошили ее еще в древности. Разочарованным археологам, надевшимся на значительные находки, пришлось удовольствоваться несколькими обломками золотых листочков и немногими керамическими изделиями, однако они позволили датировать гробницу второй половиной XV в. до н. э.

Последнее погребение У — женское — содержало скелет, окруженный значительным количеством сосудов. На правом виске находилось украшение из золотых лепестков, укрепленное булавкой, а на правом плече золотая повязка, возможно для волос. С другой стороны черепа обнаружены серебряные серьги. Шею обвивало двойное ожерелье из амулетов и бус, выточенных из полудрагоценных камней. Под головой лежали четыре бронзовых кольца и несколько булавок; в числе последних одна со шляпкой из горного хрусталя.

Кому именно принадлежали все эти гробницы — неизвестно. Однако несомненно, что они предназначались для представителей правящего слоя. Возможно, детальное изучение их инвентаря позволит насытить историю Микен этого периода, о котором пока имеются самые общие представления, более конкретными фактами.

Что касается погребений, находившихся вне круга, к югу от него, то они были нарушены еще в древности и дали только фрагменты геометрических сосудов от вторичных захоронений.

Новые открытия принесли не только собрание превосходных памятников искусства, но значительно дополнили наши знания, опровергая некоторые ошибочные предположения, высказанные прежде, например А. Эвансом, о том, что шахтные погребения в акрополе служили для вторичного захоронения царей, которых

¹ G. E. Mylonas and J. K. Papademitriou, The new grave circle of Mycenae, «Archaeology», 1955, № 1, стр. 43—50.

до того погребали в толосах. Отсутствие предметов с Крита доказывает, что правителями Микен были не критяне, а греки-ахейцы. Это подкрепляется и длиной скелетов, достигающих 1,70—1,85 см. Разнообразие и ценность даров, обилие золота и изделий из слоновой кости подтверждают, что умершие принадлежали к знатным родам, располагавшим большими средствами.

Все найденные погребения относятся к СЭ периоду и датируются 1650—1500 годами до н. э. Богатство инвентаря в гробницах Микен резко контрастно скромным приношениям, обычно помещавшимся в могилах СЭ периода других районов Греции. В Микенах новый обычай снабжать умерших столь щедрыми дарами появился примерно в XVII в. до н. э., может быть, не без влияния Египта. Однако при современном уровне наших знаний приходится ограничиваться догадками.

Деятельность английских археологов протекала в Микенах в различных местах. При дальнейшем исследовании некрополя микенской эпохи, расположенного тотчас за Львиными воротами, найдено еще несколько погребений. Наиболее интересна находка части инвентаря XV в. до н. э. из могилы, разграбленной еще в древности. Помимо фрагментов сосудов дворцового стиля, она включала группу изделий из слоновой кости: четыре модели больших щитов, имеющих форму цифры 8 и бывших на вооружении микенских воинов, предмет, напоминающий «жезл герольда» в виде кадуцей (может быть, это часть ложа или кресла). Слоновая кость доставлялась тогда в Микены из Сирии, где еще водились слоны. В ту пору связи с Восточным Средиземноморьем были более тесными, чем с Египтом. Возможно, что эти изделия первоначально покрывали гладкие золотые листочки, так как множество фрагментов их лежало рядом на земле. Но с точки зрения техники и мастерства выполнения больше всего внимания заслуживают обломки палетки из слоновой кости — одно из лучших изделий Микен из названного материала. На ней в низком рельефе вырезан грифон. С большим чувством реализма подчеркнута мускулатура его передних лап. Остатки лапы другого грифона доказывают, что художник воспользовался обычным мотивом противопоставления двух животных. Из того же погребения, возможно, происходит и ручка от серебряного кубка такого же типа, что и кубок из Вафио. Она отделана золотом и чернью в обычной микенской манере.

К югу от развалин гимнасия эллинистического времени найдена группа бронзовых предметов — возможно, запас товаров торговца или мастера, их производившего: изогнутые ножи, долота, сверло, молоток, двойной топор, тесло, кинжал, ручка большого котла и т. д. Невдалеке, по склону, тянулись остатки древней стены из мягкого известняка, назначение которой не выяснено. Рядом обнаружено несколько сосудов, в том числе превосходный аскос, а также большой фрагмент сосуда с изображением мучницы и женщины в колеснице (начало XVI в. до н. э.).

Однако наиболее плодотворными оказались раскопки в доме так называемого «торговца маслом». Здесь в нижнем этаже расчищена кладовая с большими пифосами, стоявшими вдоль стен, подобная той, которую в Одиссее описал Гомер, изображая кладовую самого Одиссея. В северной части большого коридора находилось еще 30 больших сосудов, закупоренных и запечатанных глиняными пробками. В древности дом подвергся разграблению, а затем был подожжен. Для того, чтобы усилить огонь, сосуды разбили и вылили хранившееся в них масло. Отиски на пробках печатей указывали имя владельца и сорт масла, очевидно для того чтобы избежать подмену содержимого. Изображения на пробках разнообразны: бык, демон между двумя львами, три пляшущие девушки. В другом помещении нижнего этажа найдено несколько сосудов XIII в. до н. э., т. е. времени процветания дома. Наконец, в двух других комнатах обнаружили 38 глиняных табличек и отдельно еще одну, списанные линейным письмом В. Кроме того, еще одна табличка происходит из «дома щитов», расположенного вблизи «дома торговца маслом». Семь отисков печатей с линейными письмами типа В имелись на дверях кладовой «дома сфинксов»¹. За исключением

¹ После сдачи настоящего обзора в печать стало известно, что в 1954 г. А. Уэс, продолжая раскопки, открыл еще один дом в цитадели и два вне ее стен.

отдельных мелких фрагментов, добытых в 1950 г., это первые таблички, происходящие из Микен. Таблички не обожжены, а только высушены на солнце. Обжигу они подверглись при пожаре дома. Хранили их в запечатанных глиняными печатями ящиках или корзинах. Исписаны таблички по крайней мере шестью различными лицами и представляют собой, повидимому, счета или описи. Характерно, что найдены они не во дворце, как в Кноссе или Пилосе, а в частном доме. Кроме того, в 1952 г. удалось обнаружить сосуд с надписью. Подобные сосуды уже были известны в микенских поселениях Тирпифа, Элевсина, Фив, Орхомена. Все это указывает на значительное распространение грамотности. Знание письма не ограничивалось канцеляриями, а было распространено значительно шире, чем полагали до сих пор. Если попытки по дешифровке линейного письма В успешны, то микенские таблички написаны на архаическом греческом языке. Таким образом, историческая традиция, повествующая о завоевании греческими племенами около 1900 г. до н. э. юга Балканского полуострова, получает убедительное подтверждение и, в свою очередь, логически подкрепляет выводы названных ученых. Таблички с линейным письмом В из кносского дворца сходны с микенскими и пилосскими и отличаются от других, обнаруженных на Крите.

Отсюда естественно допустить вывод, что на материке и на острове пользовались тогда для письма одним языком. Новые археологические открытия в Микенах и первые переводы текстов линейного письма В подняли ряд вопросов и проблем, в частности о характере экономических, политических и культурных связей и отношений между Критом и Микенами. Эти вопросы теперь оживленно обсуждаются¹.

Из других находок в «доме торговца маслом» заслуживает упоминания табличка с беглым наброском человека, одетого в короткую юбку. Рисунок очень жизненный и прекрасно передает пропорции и анатомические подробности. Возможно, это первый, дошедший до нас эскиз микенского художника, подготовлявшего материал для фресок, которые были так распространены в микенскую эпоху.

У подножия северного склона холма расчищена большая кладовая, составлявшая часть дома, известного под названием «дома торговца вином». В ней находилось восемь пифосов в рост человека (1,70 м) и около 50 целых и разбитых кувшинов, предназначенных для хранения вина. Так как оттисков печатей на них не замечено, то они, очевидно, в момент разрушения дома пустовали. Рядом лежал красный ритоп (или воронка), украшенный изображением осьминога. Видимо, он служил для наполнения

В «доме сфинксов» найдено десять табличек с линейными письменами типа В. Из других предметов следует отметить хорошей работы каменные сосуды (в их числе один из зеленого порфира — так назыв. *Lapis Lacedaemonicus*), резные изделия из дерева, инкрустации из слоновой кости. Исследованы также четыре погребения геометрического времени, скорее всего IX в. до н. э., находившиеся вне стен, в развалинах «дома щитов» (E. Vanderpool, *New letter from Greece*, AJA, 1955, № 3, стр. 226).

¹ Влад. Георгиев, Проблемы минойского письма, София, 1953 (от некоторых изложенных здесь взглядов автор уже отказался); он же, Нынешнее состояние изучения крито-микенских надписей, София, 1954; он же, Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. 14, 1955, вып. 3, стр. 267—279; Stirling Dow, *Minoan writing*, AJA, 1954, № 2, стр. 77—129; M. Ventris and J. Chadwick, *Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives*, JHS, LXXIII (1953), стр. 84—103; A. Furumark, *Ägäische Texte in griechischer Sprache*, «Eranos», LI (1953), ч. 3—4, стр. 103—120; LII (1954), ч. 1—2, стр. 18—60; T. B. L. Webster, *Homer and the Mycenaean tablets*, «Antiquity», 1955, № 110, стр. 10—14; J. Chadwick and M. Ventris, *Greek records in the Minoan script*, «Antiquity», XXVII (1953), № 108, стр. 196—206; см. также Я. А. Ленцман, Расшифровка крито-микенских надписей, ВИ, 1955, № 9, стр. 181—187. Здесь приведена подробная библиография.

кувшинов. Этот дом был обитаем в XIII в. до н. э. Находящиеся рядом остатки двух других домов имеют явные следы больших пожаров.

Таким образом, почти в каждом большом микенском доме в нижнем этаже устраивалась кладовая, где в больших пифосах и кувшиннах хранили запасы («дом с колоннами», «дом с рампой», а также дома в Тиринфе и в Фивах). Это вполне согласуется с описанием домов Одиссея, Приама и Менелая в гомеровском эпосе, сохранившем много характерных черт микенской эпохи.

Добытые материалы позволяют определить, что Микены не только процветали в ПЭ III В период (XIII в.), но, видимо, находились в состоянии мира. В противном случае трудно объяснить факт сооружения вне крепостных стен таких обширных и богатых жилищ, как дома «торговцев маслом и вином». Американский археолог А. Уэс, давно работающий в Микенах, предполагает, что эти дома подверглись разрушению скорее всего не вследствие иноземного нашествия, а во время внутренних смут — «гражданской войны», как он выражается, вспыхнувшей в результате династических распрей¹.

А. Уэс в 1953 г. продолжал работу в домах, расположенных к северу и к югу от «дома торговца маслом». Он извлек значительное количество резных пластинок из слоновой кости (наибольшее из найденных за последние 60 лет в одном месте), очевидно, служивших для инкрустации мебели, деревянных ларцов или шкатулок. Одна из них имеет вид головы воина в шлеме и выполнена в высоком рельефе, другая изображает двух сфинксов. Композиция напоминает композицию рельефа Львиных ворот. Фрагменты третьей пластинки сохранили части фигур львов. Движения животных переданы очень живо и реалистично. Многие украшения имеют форму 8-образных щитов, раковин или колонн с простой капителью и базой. Обилие изделий из слоновой кости доказывает, с одной стороны, существование достаточно тесных торговых связей с Сирией, откуда, видимо, через Угарит, Кипр, Малую Азию, Родос и Мелос, сырье доставлялось в Микены, где оно подвергалось обработке, а с другой — подтверждает, что в Микенах имелась более или менее значительная прослойка зажиточных людей, бывших в состоянии приобретать подобные предметы роскоши².

Только что высказанные положения подкрепляются находками фрагментов египетского алебастрового сосуда и полихромных фаянсовых сосудов, явно завезенных из Сирии или Финикии.

Два вскрытых погребения протогеометрического или раннегеометрического времени убеждают, что Микены не опустели после падения крепости в конце эпохи бронзы.

Другие важнейшие открытия сделаны в П и л о с е. Античные мифы рассказывали, что сын бога Посейдона — Нелей, изгнанный из древнего города Иолка в Фессалии, основал на западном берегу Пелопоннеса город Пилос. Царство Нелея было обширно: на востоке оно граничило с микенскими владениями Атридов, на севере — захватывало часть земель на противоположном берегу реки Алфея. Однако вплоть до самого последнего времени вопрос о местонахождении Пилоса оставался одним из наиболее запутанных и загадочных в греческой исторической топографии. В Элладе имелось несколько древних городов с таким названием. Один из них находился в Трифилии, другой — согласно традиции — в Мессении. О последнем гомеровский эпос уже ничего не знает. Описывая посещение дворца Нестора Телемаком, Одиссея скорее всего имеет в виду трифилийский Пилос, хотя само предание, сохранившееся в гомеровском эпосе, как теперь выясняется, несомненно восходит к мессенскому городу, носящему это название.

¹ А. J. В. W a s e, *New light on Homer. Excavations at Mycenae, 1952*, «Archaeology», 1953, № 2, стр. 75—81.

² Подробно описаны резные изделия из слоновой кости, найденные в последние годы в Микенах, в сообщении А. W a s e, *Ivory carving from Mycenae*, «Archaeology», 1954, № 3, стр. 149—155.

Обычно точный Страбон определенно указывает на последний как на область, где находился стольный град Нестора. Очевидно, дорийское нашествие, опустошившее многие города микенской эпохи, не только стерло с лица мессенский Пилос, но даже изгладило память о нем. Когда в 1907 г. Дёрффельд нашел около трифилийского Пилоса остатки укрепления микенского времени и три очень разрушенных толоса, как будто отпали последние сомнения в том, что именно здесь находился дворец старца Нестора. Гомеровская традиция получала, таким образом, как будто серьезное подтверждение. Но наряду с ней существовала и другая — устная и письменная: даже во времена Римской империи в Мессении, около Наваринского залива, в небольшом городке Пилосе, основанном после изгнания спартацев из Мессении, т. е. в IV в. до н. э., показывали остатки дома Нестора и его гробницу. Павсаний прямо пишет о Пилосе в Мессении как о родине Нестора. Но традиция эта казалась менее правдоподобной, и вплоть до 1939 г. многие считали, что «песчаный» Пилос Гомера надо искать в Трифилии.

В 1919 и 1925 гг. в Мессении удалось найти два толоса с микенской керамикой и следы еще других толосов. Присутствие царских погребений в юго-западном углу Мессении служило серьезным возражением против обычного мнения о местонахождении гомеровского Пилоса. Весной 1939 г. греко-американская археологическая экспедиция приступила к раскопкам в районе Наваринского залива на холме Эпано Энглианос. Здесь были обнаружены стены сооружения дворцового типа, несомненно микенской эпохи. Оно погибло в катастрофическом пожаре. И по плану, и по размерам, и архитектурному стилю дворец во всех отношениях походил на дворцы Микен и Тиринфа. Массивные наружные стены из каменных блоков служили надежной защитой для обитателей. Полы покрывал слой штукатурки. Стены комнат и переходов украшали фрески. Всюду виднелись следы огня, уничтожившего здание. Керамика, характерная для конца микенской эпохи, позволила определить, что пожар погубил его в последние десятилетия XIII в. до н. э. Обитатели в спешке покинули свои жилища. Затем это место было заброшено. Поэтому остатки дворца сохранились в неприкосновенности, что позволило надеяться на ценные находки и, как мы увидим, не безрезультатно. Еще в том же году, в небольшом помещении в юго-западной части дворца удалось обнаружить 618 глиняных табличек, большей частью разбитых, исписанных линейным письмом В. И они сами и обстоятельства находки напоминали условия, в которых был открыт кносский архив. Видимо, таблички составляли часть архива пилосского дворца и хранились в деревянных ящиках. Бронзовые петли от последних лежали тут же. Датируются эти тексты временем не позже конца XIII века.

Вторая мировая война прервала раскопки на 13 лет, и они возобновились только в 1952 г. с не меньшим успехом¹. Разведочная траншея, проведенная в юго-западной части участка, позволила обнаружить стены и вымостку из твердого камня. Находящиеся здесь анты и две базы колонн, возможно деревянных, указывали, что, видимо, тут располагалась какая-то важная часть дворца — скорее всего мегарон. Далее траншея привела к нескольким небольшим камерам, из которых одна несомненно служила кладовой: в ней найдено огромное количество киликов. За этими хозяйственными помещениями следовал зал, по всей очевидности — главное помещение дворца. Расчистка его стала основной задачей кампании 1952 г. Это оказался мегарон — классического материкового типа, состоящий из большого зала (12,9 x 11,2 м), вестибюля и двухколонного портика. Кровлю поддерживали четыре колонны. Стены, облицованные штукатуркой, видимо, украшали фрески, так как найдены фрагменты

¹ О раскопках в Пилосе см. следующие статьи: C. W. Blegen, The palace of Nestor. Excavations at Pylos, *AJA*, 57 (1953), № 2, стр. 59—64; он же, King's Nestor palace, new discoveries, *«Archaeology»*, 1953, № 4, стр. 203—207; он же, Excavations at Pylos, *AJA*, 58 (1954), № 4, стр. 27—32; он же, An early tholos tomb in Western Messenia, *«Hesperia»*, XXIII (1954), № 2, стр. 158—162; он же, The palace of Nestor. Excavations of 1954, *AJA*, 59 (1955), № 1, стр. 31—37.

фресковой живописи. Для кладки верхних частей стен применялся кирпич-сырец. Эта часть дворца, очевидно, имела два этажа — ибо видны признаки галлерей или рода балкона, опоясывавшего со всех сторон мегарон. Посередине его находился приподнятый над уровнем пола вымощенный круг диаметром в 4,02 м. По бокам он оштукатурен и расписан узором в виде языков пламени или перьев — черных на красном фоне. На широком фризе, вокруг углубления для огня — орнамент из спиралей. Пол также покрыт твердой штукатуркой, наложенной шахматным узором. Отдельные клетки богато и разнообразно орнаментированы. Нет двух одинаковых квадратов. Около места, где некогда стоял трон, имеется небольшое углубление в виде бассейна со стоком — вероятно для ритуальных возлияний царя. У колонн находился алтарь. Зал сильно пострадал от огня: сохранилась незначительная часть облицовки пола и очень немного из бывших в нем предметов. Видимо, все остальное погребло в пожаре или было разграблено. Вот почему находки ограничились маленькими фрагментами золотых украшений, рассеянных по всему помещению, несколькими такими же обломками из серебра и большим числом бронзовых. Но и эти скудные остатки свидетельствуют о богатстве дворца. Керамика представлена мелкими потускневшими от пламени черепками пифосов, чаш и других сосудов. Среди обломков обрушившейся галлерей находились 15 глиняных табличек, как целых, так и разбитых.

Стены вестибюля также покрывали фрески. Пол его пострадал больше, и поэтому о нем ничего определенного сказать нельзя. Возможно, что он был таким же, как в зале. И здесь также разбросаны были обломки золотых и бронзовых изделий, очевидно попавших сюда из рухнувшего верхнего этажа. Из того же слоя происходят два фрагмента табличек, исписанных линейным письмом В, и золотая брошь тонкой работы со следами инкрустации голубой пастой.

В 1952 г. расчистку портика до конца довести не удалось. И здесь огонь бушевал с такой силой, что совершенно уничтожил облицовку пола. С фасадной стороны выявлены базы колонн. Портик выходил на небольшой двор, около которого размещался архив. С другой стороны, возможно, располагался большой двор. Границы дворца не установлены, так как с юго-востока стены его совершенно разрушены. Рядом с архивом открыто еще четыре помещения. В них найдены обломки гигантского пифоса, более дюжины вотивных киликов и гряда обожженных костей животных. Вполне вероятно, что здесь находилась дворцовая часовня, на что указывает нарисованный на одной из стен большой двойной топор. В архиве обнаружено еще около 300 целых и разбитых глиняных табличек, которые лежали несколькими грудями. Еще 35 табличек собрано в соседних помещениях, куда они, быть может, попали во время пожара, после того, как рухнули стены. Фрагменты керамики характерны для ПЭ III В и С.

Можно установить два периода обитания дворца. Оба они включаются в ПЭ III. Таким образом, дворец в Пилосе современен дворцам Тиринфа и Микен; размерами, архитектурными деталями и стилем фресок он во многом напоминает последние. Предшествующие периоды ПЭ I и II представлены чрезвычайно скудно.

Раскопанные в этом же районе погребения относятся к ПЭ I—III и микенскому периодам и отличаются высоким качеством положенных в могилы предметов.

Вторая раскопочная кампания 1953 г. внесла некоторые уточнения в прежние открытия. Изучение росписей тронного зала показало, что они сделаны красками, разведенными на воде. Рядом с ним находились семь маленьких комнат, четыре из них служили кладовыми для домашней посуды и содержали до 6000 сосудов различных форм. Преобладали килики, хотя представлены все типы микенской керамики. К сожалению, в целом виде дошло не более сотни сосудов. В одной кладовой найдена разбитая глиняная табличка с линейными письменами типа В. В ней перечисляются различные сосуды. Над кладовыми в верхнем этаже располагались помещения, игравшие, видимо, важную роль в жизни дворца, как можно заключить по фрагментам фресок. Рядом с хранилищами керамики простирался большой двор. К его юго-западной части примыкали две достаточно обширные комнаты, стены которых расписаны цветными фресками. К сожалению, от последних сохранилась лишь незначительная

часть. От колонн, очевидно деревянных, дошли только базы. Далее дверь ведет в проход, откуда поднималась лестница в верхний этаж; две другие двери соединяют с еще нераскопанными помещениями. Вокруг дворца сделано 12 разведочных зондажей. Кое-где выявлены стены домов. Доказательств тому, что дворец некогда окружала стена циклопической кладки, пока не собрано.

Третья раскопная кампания — 1954 г. — длилась четыре месяца, из которых один заняли реставрационные работы, восстановление и изучение фресок и керамики. На некоторых росписях представлены человеческие фигуры, например сражающиеся воины, процессии и т. д., на других — полустилизованные растительные мотивы и различные животные, как сухопутные, так и морские. Видимо, если не все, то многие помещения дворца украшали фрески.

Раскопки велись одновременно в четырех различных его частях. И всюду археологи наталкивались на следы опустошительного действия огня, обжигавшего камни и расплавлявшего золото украшений. На юго-восточном склоне холма, по прямой линии от мегарона, открыт главный вход во дворец — пропилон с деревянными каннелированными колоннами, от которых уцелели только базы. Раскопки обширного мощеного двора, лежащего с наружной стороны ворот, еще не закончены, и поэтому его границы пока не установлены. С другой стороны, к северо-западу, ход вел на небольшой внутренний двор, также мощеный, и далее в мегарон. Около пропилона были рассеяны сильно поврежденные фрагменты серебряного кубка с золотыми украшениями в виде человеческих голов. По форме он напоминает один из кубков камерных погребений Микен, исследованных в конце минувшего века Цунтасом. Тут же находились расплавленные пожаром другие золотые фрагменты.

У юго-западной стороны пропилона собрано немного обломков исписанных табличек и неподалеку в яме, выкопанной грабителями, еще несколько. На осыпавшейся штукатурке видны остатки росписи. К юго-западу, за комнатами архива выявлены остатки трех помещений. В одном из них, 3 м ширины и 7 м длины, находились груды разбитой посуды, наваленной вдоль всех четырех стен. Видимо, она была расставлена по полкам, обрушившимся и сгоревшим во время пожара. Всего определено пока около 500 сосудов, примерно 20 различных форм. Одинаковые сосуды стояли рядом. Некоторые из них расписаны опытными мастерами, обладавшими прекрасным чувством линий, форм и красок.

Около юго-восточной оконечности кладовой установлены под полом дренажные сооружения. В заполнявшей их земле содержалось большое количество разбитых сосудов, более ранних, чем найденные в помещениях дворца. Однако немногие из них древнее ПЭ III В периода. Так же обнаружено девять миниатюрных бронзовых наконечников стрел, обломки стеатитовой печати и другие мелкие предметы. Комната, или широкий проход (63), к северо-западу от кладовой полностью еще не расчищена, и определить ее назначение пока невозможно. Также не расчищено до конца и другое соседнее помещение, возможно, служившее ванной. Здесь находились обломки двух-трех глубоких кувшинов и серебряного кубка. В траншее, прорытой вдоль большой стены, проходившей некогда между ванной комнатой и архивом, также имелись глиняные таблички, как целые, так и фрагментированные, скорее всего — счета и описи.

В другой части дворца, лежащей к юго-западу от «вестибюля» и портика мегарона и особенно сильно пострадавшей от огня и последующих поисков строительного материала, не всегда по этой причине удавалось установить величину и расположение отдельных помещений. Во всяком случае здесь располагались узкий коридор и лестница из 21 ступени, ведущая в верхний этаж. Последняя была сооружена на более древней вымостке. Это заставляет предположить, что дворец дважды или трижды перестраивался. На полу небольшой прямоугольной комнаты (21) подле лестницы удалось собрать значительное количество фрагментов расписной штукатурки.

Наконец, четвертый и наибольший раскоп 1954 г. (11 × 30 м) охватывал северо-западную часть дворца, куда можно было проникнуть из мегарона через дверь в северо-восточной стене «вестибюля» и длинный коридор — 24 м, тянувшийся вдоль

тронного зала. Из него лестница вела в комнаты, расположенные выше зала, так как не все помещения дворца располагались на одном уровне. К коридору примыкали пять небольших комнат, большая часть которых соединялась между собой дверьми. В двух обнаружены многочисленные обгоревшие фрагменты изделий из слоновой кости, видимо, попавшие сюда из верхнего этажа, где, очевидно, обитала одна из родственниц хозяйки дворца. В кладовой (48), размещавшейся в этой же ее части и пострадавшей от катастрофы сильнее других помещений, стояла дюжина пифосов среднего размера, а также различные кувшины и прочие сосуды, иногда украшенные различными изображениями, например осьминога или спиралей, в большинстве разбитые. Тут же найдены две писанные таблички, ярлык с надписью и несколько маленьких кусочков золота, возможно упавшие сюда вместе с кусками облицовки стен обрушившихся комнат верхнего этажа. Из коридора через поперечный проход можно было проникнуть в склад, находившийся в северном углу дворца. Кровлю здесь поддерживали четыре столба или колонны. Вокруг стен вкопано в землю 16 пифосов, предназначенных для хранения вина или масла. Этот же коридор вел и в другую кладовую, расположенную непосредственно за тронным залом и еще не расчищенную. Кладка массивных каменных наружных стен напоминает постройки Крита. Возможно, что техника кладки была заимствована оттуда. Стены верхнего этажа сложены из обожженного кирпича. Всего раскопачная кампания 1954 г. дала около 50 целых и фрагментированных табличек с линейными письменами типа В. Все они датируются временем существования дворца — ПЭ III В периодом.

В 80 м от дворца к северо-востоку открыт и исследован большой толос. Его обмеры дали следующие результаты: длина дромоса 10 м, ширина 4 м, дверной проем 2,25 м ширины и 4,5 м толщины, диаметр камеры 9,35 м, высота стен до начала свода 2,25 м, высота свода достигала 7,5 м. Толос подвергся разграблению еще в микенскую эпоху. Грабители не ошиблись в своих расчетах. Судя по сравнительно скудным остаткам могильного инвентаря, дошедшим до нас, видно, что для погребенных здесь лиц ничего не жалели. Скелеты не сохранились. Только обломки человеческих костей и черепов, очевидно от нескольких захоронений, были разбросаны в разных местах. На полу стоял саркофаг, сложенный из каменных плит. В нем лежало несколько поврежденных костей. Тут найдены бусы из янтаря, аметиста, стеклянной пасты, золота, а также маленькое золотое кольцо-печатка с изображением культовой сцены. Из других обнаруженных в толосе предметов следует отметить: 23 золотые бусинки различных форм, три чеканных украшения в виде бабочек и шесть в виде сов, пять подвесок, 60 розеток, кольцо с гнездом в форме сердца, серебряное кольцо-печатка, 40 заклепок, некоторые с золотыми головками, две каменные печати, около 250 бус из аметиста (в том числе один в виде скарабея), около 360 бус из янтаря, 14 бус из фаянса и других материалов, наконечников для стрел из бронзы и 67 из обсидиана, три мраморных яблока от рукояток мечей и т. д. Несомненно, это «царское» погребение, и притом одно из самых богатых. Другой толос, почти совершенно разрушенный, был, как известно, вскрыт в 1939 г.

В окрестностях дворца определено местоположение современных ему поселений и нескольких погребений, в том числе одно со значительным количеством различных ремесленных инструментов. Так как могилы использовались в течение долгого времени, то керамика, найденная в них, относится к ПЭ I и ПЭ III периодам. Находок сравнительно немного, так как еще в древности могилы подверглись разграблению. Примечательны две печати: из сардоника и яшмы. На последней изображена львица и над ней птица, внизу букранион. Разведки еще далеко не закончены, кроме того они охватили только ограниченный район. Поэтому возможно предположить, что эта плодородная и хорошо орошаемая местность в середине II тысячелетия до н. э. была достаточно густо заселена. Раскопки не завершены, материал пока не систематизирован, имеются только предварительные публикации, найденные таблички едва начинают дешифровывать, поэтому делать какие-либо определенные и точные выводы сейчас преждевременно. Тем не менее кое-что, как мне представляется, является бесспорным уже сейчас.

Видимо, здесь, у Наваринского залива, находился один из крупнейших политических и культурных центров Пелопоннеса II тысячелетия до н. э. Микены отнюдь не были исключением. Вот почему термин «микенская культура» следует признать ограниченным и, следовательно, неточным¹. Он может быть сохранен лишь постольку, поскольку Микены впервые раскрыли перед наукой тот период истории древней Греции, который был назван их именем. Греческая традиция сохранила сведения о могуществе и богатстве правившей в Пилосе династии Нелеидов. К сожалению, на эту традицию, подкрепляемую теперь свидетельством вещественных памятников, до сих пор не обращали должного внимания. Мы не станем перечислять эпитеты, которыми в «Одиссее» наделены дом и город Нестора, хотя они, конечно, далеко не случайны: «пышный», «богатоустроенный» и т. п. В «Илиаде» сохранились воспоминания об успешных войнах Нестора с соседними племенами, например элейцами, обитавшими в северной Элиде:

Мы от элейцев добычу богатую с поля погнали:
Стад захватили коровьих полсотни, столько ж овечьих,
Столько же стад и свиных, и широко пасущихся козьих,
Там же и сто пятьдесят лошадей нам буланых досталось,—
Все кобылицы, к тому же при многих из них жеребята,
Той же ночью всю эту добычу пригнали мы в город,
В Пилос Нелеев

(XI, 677—683; пер. В. В. Вересаева)

Удачно сражался Нестор и с аркадийцами. Видимо, были и другие, не менее успешные для правителей Пилоса войны, о которых пока ничего не известно. Недаром всех царей, ополчившихся против Трои и перечисленных в так называемом «каталоге кораблей» второй песни «Илиады», богатством и могуществом превосходили только двое: царь «златообильных Микен» Агамемнон — он привел с собой сто кораблей — и царь «песчаного» Пилоса — Нестор, сын Нелея. «С ним девяносто судов крутобоких приплыло под Трою»².

Достаточно широкими оказываются и торговые связи города. В гимне к Аполлону Пифийскому сохранилось воспоминание о непосредственных сношениях Пилоса с Критом. Критяне закупили какие-то продукты в Пилосе:

...узрел он [Аполлон] в дали винночерного моря
Быстрое судно. Везло оно много людей благородных,
Критян из града Миносова Кносса, они для владыки...
Ради богатств и товаров они на судне своем черном
Плыли в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям

(стк. 216—220; пер. В. В. Вересаева).

В пилосской табличке An 12 говорится о корабле, направлявшемся в Плеврон³. Возможно, здесь идет речь об этолийском городе, носившем это имя.

Таким образом, уже теперь есть все основания говорить о значительной роли Пилоса в политической и экономической жизни Пелопоннеса до того, как он и другие

¹ Дж. Пендлбери заметил еще в 1940 г., что применение термина «микенский I, II и III» вместо «позднееэлладский I, II и III» «... навязывает название одного города целой стране», «Археология Крита», М., 1950, стр. 24.

² Вот почему представляется необоснованным мнение Ж. Жермена, автора недавно вышедшей книги об «Одиссее», что «Илиада» сохранила образ Пилоса как незначительного государства, слабое население которого испытывало часто затруднения во время войн с Элидой (G. Germain, Genèse de l'Odyssee, P., 1954, стр. 486).

³ M. Ventris, King Nestor's hour-handled cups. Greek inventories in the Minoan script, «Archaeology», 1954, № 1, стр. 19.

центры микенской культуры пали под ударами дорийцев. Может быть, одновременно следует внести некоторые изменения, обусловленные последними открытиями, в былые представления, видимо несколько преувеличенные, об исключительном положении Микен в развитии одноименной им культуры. Вместо с тем не надо впадать и в другую крайность и пытаться умалить их значение как важнейшего города южной, а, может быть, и средней Греции середины II тысячелетия до н. э.

В 4 км к югу от Олимпии, на левом берегу Алфея, в местности, именуемой Кания, открыты две микенские камерные гробницы, содержащие примерно по 10 скелетов каждая и множество сосудов ПЭ III. Некоторые из них местного производства, другие — привозные. Невдалеке от гробниц на двух холмах, господствующих над долиной Алфея, определены следы микенских поселений. Это первые сколько-нибудь значительные памятники той эпохи, найденные в районе Олимпии.

Другие микенские гробницы, примерно того же времени, как можно заключить на основании находившихся в них керамических изделий, раскопаны на холмах к югу от Патраса (северное побережье Ахайи). Помимо сосудов, в них находились меч, наконечник копья и поножи — все из бронзы. Это единственные дошедшие до нас поножи микенской эпохи, за исключением одного экземпляра из Энкоми (Кипр).

Американские археологи в 1952—1953 гг. производили раскопки на западном берегу Арголидского залива у известного в древности Лернейского источника¹. Добытые ими материалы сравнительно немногочисленны и главным образом ограничиваются керамикой, потому что земля здесь все время обрабатывалась. Особенно много грубых сосудов и «минийских» гончарных изделий. Некоторые расписные сосуды несут явные следы влияния СМ стиля. Наиболее интересны остатки жилищ домикенского периода начала II тысячелетия до н. э. Недавно — после сдачи в печать настоящего обзора, стало известно, что в Лерне удалось открыть несколько домов, среди которых своими размерами выделяется так называемый «дом с черепицами» (длина 25 м, ширина 11.80 м), имевший верхний этаж. Он датируется РЭ эпохой и видимо является наибольшим домом этого времени из всех найденных до сих пор в Греции. (См. J. L. Caskey, *The house of the Tiles at Lerna: an early bronze Age palace*. «*Archaeology*», 1955, № 2, стр. 115—120, и особенно его же, *Excavations at Lerna*, 1954. «*Hesperia*», 1954, № 1, стр. 25—49).

На Агоре в Афинах также работали американские археологи². Здесь в двух местах, вокруг и около храма Ареса и в северо-восточном углу раскапываемого участка, в непосредственной близости друг от друга раскопаны погребения протогеометрического и микенского периодов. Последним датируются три камерных и четыре ямных погребения, а также две маленькие ямы с предметами, предназначенными для приношения умершим. Если принять во внимание, что еще прежде к югу от Одеона и вблизи Стои Атгала были также вскрыты погребения микенской эпохи, то станет ясно, что во II тысячелетии на Агоре находился некрополь, служивший для захоронения в течение пяти веков, с XV в. до н. э. по X в. до н. э., т. е. от ПЭ III до протогеометрического времени.

Самое древнее из вновь найденных погребений — ямное. В нем похоронена молодая девушка. Инвентарь этого погребения ограничивается булавкой из слоновой кости, ожерельем из пастовых бус с золотой подвеской, горстью морских раковин и 10 сосудами. Последние напоминают сосуды шахтного погребения в Микенах. Камерные погребения невелики. В камеры ведут ступенчатые дромосы. Одна из камер содержит погребения невелики. В нишах, открывающихся в дромос, находились еще три детских жала пять скелетов. В нишах, открывающихся в дромос, находились еще три детских жала пять скелетов. В нишах, открывающихся в дромос, находились еще три детских жала пять скелетов. В нишах, открывающихся в дромос, находились еще три детских жала пять скелетов. Умершим придали семь сосудов ПЭ III, бронзовый нож, золотую бусину и каменное пряслице. Другая камерная гробница служила для захоронения по меньшей

¹ L. Caskey, *An Early settlement at spring of Lerna*, «*Archaeology*», 1953, № 2, стр. 99—102.

² L. Talcott, Athens: Mycenaean necropolis under the Agora floor, «*Archaeology*», 1951, № 4, стр. 233; C. W. Blegen, *Two Athenian grave groups of about 900 B. C.*, «*Hesperia*», XXI (1952), № 2, стр. 279—294.

мере 13 человек, которых погребали на протяжении около трех веков. В состав инвентаря входили: 24 целых и три разбитых сосуда ПЭ II — ПЭ III С, кинжал и наконечник копья из бронзы, четыре обсидиановых наконечника для стрел и пять из бронзы, гребень из слоновой кости и мелкие ювелирные изделия. Третье камерное погребение, разрушенное в V в. до н. э., дало немного: две маленькие чаши и один сосуд из глины, а также один бронзовый. Последний очень хорошей выработки. Это один из лучших бронзовых сосудов микенского периода, найденный в Афинах. Все предметы относятся к ПЭ III В или С.

В А л и к и близ Вула открыты в 1952—1953 гг. три ПЭ III погребения, служившие для захоронения пяти-шести человек каждое. В двух из них — лучшей сохранности — дромосы достигали около 15 м длины. Инвентарь ограничивался керамикой, большей частью ПЭ III В периода, стеатитовыми пряслицами и статуэтками. На одном сосуде изображена женщина между двумя деревьями. В 1954 г. исследовано еще пять камерных погребений того же периода. В двух не разграбленных сохранилось значительное количество сосудов, глиняные статуэтки, изображающие птицу и женщин (последняя очень редка по форме) и т. п.¹

В Э л е в с и н е некрополь II тысячелетия до н. э. состоял из погребений конца СЭ и ПЭ периодов. Последние относятся к типу шахтовых и обычно были семейными. В одном из них — с боковым входом — находились останки 11 человек. Вместе с ними в могилу положили 25 сосудов, две глиняные статуэтки и форму для отливки золотых колец. На одной из ее сторон имеются два гравированных рисунка, видимо служившие образцами для украшения гнезда перстней: птица с птенцом и две женщины в богатых микенских одеяниях в позе адорации перед алтарем. Из группы в восемь погребений, располагавшихся в западной части некрополя и отгороженных от других каменной стеной, шесть были вскрыты и вновь засыпаны в середине V в. до н. э. Отдельные, сохранившиеся приношения датируют их СЭ и ПЭ III периодами. Производивший здесь раскопки американский археолог Г. Милонас полагает, что эти шесть погребений упоминает Павсаний (I, 39) как могилы героев, возглавлявших некогда поход против Фив.

У П е р а т и близ Порто-Рафти (примерно в 50 км к юго-востоку от Афин на пути в Лаврион) до 1954 г. включительно, продолжались раскопки обширного некрополя. Исследованные погребения камерного типа с дромосами, датируемые ПЭ III периодом, заключали сотни сосудов (из них только в 1955 г. — 355), многие из которых украшены изящно выполненными изображениями птиц, рыб и осьминогов, изделия из бронзы, каменные печатки, ювелирные изделия из золота и полудрагоценных камней, которые наглядно иллюстрируют оживленную торговлю расположенного рядом и недавно открытого микенского поселения. В одном из погребений вместе с кремированными останками находились оружие, различные украшения, в том числе и золотые, по стилю напоминающие подобные же предметы из Тиринфа, цилиндрическая печать, видимо малоазийского происхождения, и, что особенно важно, картуш фараона Рамсеса II, а также четыре скарабея, из которых два датируются временем XVIII и XIX династий. На одной из бусин имелась надпись линейным шрифтом В. Из других могил извлечены необычные по типу глиняные статуэтки, изображающие животных и женщин с воздетыми кверху и сжатыми над головой руками (плакальщицы?). Очень интересная металлургическая мастерская для обработки бронзы РЭ периода — возможно, древнейшая в Греции — и остатки домов СЭ периода относятся ко времени, рассмотрение памятников которого выходит за пределы задач настоящего обзора.

Дома и погребения СЭ эпохи установлены в П т е л е о н е (Фессалия). В могилах находились сделанные от руки сосуды. Невдалеке располагалось купольное погребение субмикенского периода, внутри которого обнаружено пять небольших сосудов и глиняная статуэтка. Расчищена купольная гробница микенского времени, служив-

¹ E. Vanderpool, New letters from Greece, AJA, 1955 № 3, стр. 224.

шая для захоронения 12 человек. Помимо бронзовых меча и кинжала и стеатитовой печатки, инвентарь ограничивался маленькой амфорой и еще несколькими мелкими предметами. В Фарсале под стенкой купольной гробницы конца архаической эпохи открыто микенское погребение прямоугольной формы, сооруженное из мелких камней. В нем находились железная задвижка и гвозди¹. В непосредственной близости было обнаружено еще два погребения того же времени. Эти находки, доказывающие, что Фарсал уже был заселен в ту отдаленную эпоху, позволяют отождествить его с гомеровской Фтией.

Нет никакого сомнения, что полная научная публикация всего вновь полученного материала значительно углубит и расширит наши знания о микенском обществе и его культуре.

И. С. Кацнельсон

О периоде эллинизма в Северном Причерноморье

В марте 1955 г. на заседании Ученого совета Института истории материальной культуры АН СССР состоялось обсуждение проблемы развития Северного Причерноморья в эллинистическое время. В работе приняли участие научные сотрудники Института истории материальной культуры и Института истории АН СССР, а также Московского университета, музеев и других научно-педагогических учреждений Москвы и Ленинграда.

Доклад «О периоде эллинизма в Северном Причерноморье» сделал проф. В. Д. Блаватский.

Проблемы сущности эллинизма, хронологических рамок и границ эллинистического мира в Средиземноморье подвергались обсуждению на предыдущей дискуссии в Московском университете (весной 1953 г.), период же эллинизма в Северном Причерноморье не получил надлежащей разработки; поэтому докладчик поставил принципиальные вопросы о своеобразии исторического процесса в Северном Причерноморье и вместе с тем о его сходстве и отличии в сравнении с развитием стран Средиземноморья. В. Д. Блаватский обосновал положение, выдвинутое ранее С. А. Жебелевым, но в дальнейшем не развитое, — о том, что Боспор стал государством эллинистического типа со времени Левкона I. Условия существования античных государств Северного Причерноморья, особенно Боспора, с раннего времени находившегося в тесном контакте с местными племенами, отличаясь от условий развития полисов Балканского полуострова, находят некоторые параллели в истории греческих государств периферии эллинского мира Малой Азии, Сицилии, Фракии, причем характер взаимодействия эллинских полисов с окружающим их местным населением во многом определялся социально-экономическим развитием последнего. Так, довольно высокий уровень социально-экономического развития синов обусловил их ранние связи с античным миром, наоборот — невысокий уровень развития тавров определил слабую экономическую связь их с Херсонесом. Основной особенностью контакта северопонтийских полисов с местным населением было то, что это был контакт эллинских полисов с обществом, менее развитым в социально-экономическом отношении по сравнению с обществом древних цивилизаций Востока, входившим в эллинистические монархии. Менее развитыми оставались сиудо-меотские племена и в годы правления Спартокидов.

По мнению В. Д. Блаватского, социально-экономическая структура Боспора складывалась из двух основных элементов: 1) полисов с их хорой, хозяйство которых было основано на античной системе рабовладения, и 2) обширных земель (на азиатской

¹ «Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1952», BCH, LXXVII (1953), № 2, стр. 216.